

// Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Вип. XI (Відпов. ред. Г.Н. Тощев). Запоріжжя, 2004, с. 294-298.

Речь пойдет, прежде всего, о глиняных фигурках спокойно стоящих всадников на лошади, как правило – примитивной работы, находимых в крупных городских центрах резных частей иранского мира и его периферии. Всадники почти лишены атрибутов, детально у них может изображаться главный символ мужчин в иранских обществах – головной убор, реже - прическа (прежде всего – борода). При весьма детализированной передаче головы мужчины, фигура коня обозначена крайне схематично. Фантастических черт в изображениях нет. Установить назначение таких статуэток нелегко: обычно это случайные находки или обломки, оказавшиеся на свалках.

В древнем иранском мире самая ранняя группа этих терракот найдена в культурном слое городов западных сатрапий Ахеменидской империи (Вавилония, Киликия, Сирия, Палестина, Египет), где в известном количестве присутствовали и сами персы (в собственно Персиде и Мидии статуэтки пока не известны). По современным данным, все фигурки такого типа найдены в слоях именно ахеменидского времени и не имеют отношения к скифским походам на Ближний Восток в VII в. до н.э., как полагала В.А. Ильинская (ср.: Ильинская, 1982: 42). Эти изображения, возможно, иногда могли изготавливаться и для саков на персидской службе (ср.: Ставиский, 1975: 306), но, прежде всего, они имеют отношение к персам (кстати, не забудем, что еще во времена Геродота 3 племени из 7 в собственно Персиде были кочевниками: Her. Hist. I. 125). Вряд ли это просто проявление любопытства различных народов в отношении завоевателей (в этом случае невозможно объяснить, почему они, не сговариваясь, стали изображать персов именно в виде глиняных статуэток сходного размера, с одинаковой позой коня и всадника и с особым вниманием именно к голове седока). Изображения головных уборов на фигурках этнографически точны и представляют большой интерес (Яценко, 2002: 51, 64). В следующую, парфяно-сарматскую эпоху подобные «простые» статуэтки спокойно стоящего всадника известны в двух совсем других регионах: в бассейне Амударьи (Бактрия) и в Северном Причерноморье (Боспор). Они относятся к I-III вв., когда в городских центрах оседали недавние кочевники (в обоих случаях - отчасти исходно юэчжийского происхождения). Собственно номады подобных глиняных фигурок явно не делали (во всяком случае, их не помещали в могилы): судя по фактам, приведенным ниже, можно полагать, что такие фигурки изготавливались ими из органических материалов. При всем сходстве фигурок Бактрии и Боспора, у них есть подчас и известные различия. Так, в Бактрии иногда на фигуре всадника, кроме головы, детально переданы запахнутые борта кафтана (Саксанохур: Древности, 1985, № 321; фото на с. 117), а в боспорских городах он изредка поднимает левую (!) руку в жесте адорации (Яценко, 1992: таб. 11, 5-6) или держит в правой пойманное ушастое животное – зайца (Там же: таб. 11, 7) (вспомним о ритуальной охоте на зайца у скифов и других иранцев: Раевский, 1985: 60-64).

В литературе подобные изделия каждого из этих регионов принято рассматривать изолированно; соответственно, трактовки их назначения весьма разнятся. В Бактрии эти фигурки исследователи традиционно считают изображениями предков (Пугаченкова, 1989: 301-305; Pugachenkova, 1989). Обычно имеется в виду «предок-герой», завоеватель, как полагал еще в 30-х годах С.П. Толстов (Беленицкий, 1981: 216). Истоки подобной трактовки можно обнаружить в известных работах М.И. Ростовцева, где рассматривались изображения конного бога и правителя-адоранта (Ростовцев, 1913; 1927). Однако наши примитивные, иногда домашней лепки статуэтки по своей иконографии и атрибутам имеют с рассмотренными им парадными композициями только одну общую черту: всадник изображен спокойно стоящим...

Относительно таких фигурок на Боспоре существуют четыре основных мнения. Одни исследователи склонны связывать их с проникновением в боспорские города сарматов (Кобылина, 1961: 169; Силантьева, 1974: 15). Другие полагают, что распространение таких примитивных статуэток «отражает реальный быт» (Шургая, 1983: 99), что они являются жанровой «зарисовкой с натуры» воина-всадника в условиях частых набегов кочевников на Боспор (Шелов, 1987: 50). Кроме того, специалисты-античники иногда видят в поздних лепных фигурках лишь деградировавшую традицию собственно греческих, изготовленных в форме терракот Аполлона Гиппия III-I вв. до н.э.

Речь идет о фигурах стоящего или спокойно идущего всадника (Пругло, 1977: 181-182). Наконец, подчас все изображения стоящего всадника в боспорском искусстве римского времени (на монетах, статуях, в мелкой пластике) рассматривают как воплощение некоего синкретического божества, культ которого оформился под влиянием культа иранского Митры (Крыкин, 1986: 80-81).

К сожалению, осталось незамеченным, что у ряда индоиранских народов подобные фигурки спокойно стоящего всадника изготавливались (из органических материалов и несколько больших размеров) еще в начале XX столетия, причем их весьма архаичная языческая символика вполне выяснена этнографами. И во всех случаях – у кафиров Гиндукуша, осетин и памирцев – они связаны с циклом поминальных обрядов. Как и «археологические» статуэтки, они при этом никогда не помещались непосредственно в могилу.

Кафиры изготавливали подобные фигурки из дерева. Они изображали самого умершего мужчину с различными знаками его общественного ранга. Такие статуи ставили у дороги, на краю селения; перед выносом с ними устраивали особый танец (Йеттмар, 1986: 138-139; см. там же библиографию). В алано-осетинской и в памирской традициях куклу умершего в виде всадника устанавливали над могилой (Уарзиати, 1987: 76-77). Сам умерший на осетинских поминках иногда имитировался лучшим наездником общины в виде всадника, привезшего из иного мира подарки сородичам (Там же: 75). Судя по анализу некоторых сюжетов осетинского нартского эпоса, изображение «мертвого» коня помогало покойному войти в иной мир (Дюмезиль, 1976: 45). Сходные представления существовали у скифов. В Одесской области, у с. Виноградовка найдено уникальное пока надгробное каменное изваяние рубежа VI-V вв. до н.э., где умерший представлен в виде всадника (Субботин и др., 1992: 5; рис. 1). Типологически сходен скифский обычай через год после смерти царя выставлять вокруг могилы 50 трупов лошадей с убитыми конюхами верхом (Her. Hist. IV. 72). У «поздних скифов» Крыма (Неаполь Скифский, склеп 8) известен каменный рельеф со стоящим всадником на стене над захоронением (Дашевская, 1991: таб. 44, 5).

В соответствии с распространенными у алано-осетин представлениями, человека (непременно – всадника, ибо для мужчины считалось позорным ходить пешком!), попавшего в мир мертвых, встречают либо сидящая на золотом троне богиня (Нарты, 1989: 157-159), либо конный бог, имевший общие черты с Митрой (покровитель клятв, мужчин-воинов и т.п.) (Миллер, 1893: 129-130). Они снабжают умершего всем необходимым. Возможно, именно этим объясняется поза сармато-аланских фигурок из боспорского Илурата II-III вв. – с поднятой вверх в жесте адорации рукой (Шургая, 1983: рис. 2, 2-3). С поднятой рукой изображен и всадник на «позднескифском» надгробии из с. Фоти-Сала (Голубинка). На оборотной стороне этой плиты представлена голова Горгоны, ассоциировавшейся, по мнению Д.С. Раевского, со «змееногой богиней» - прародительницей скифов (Дашевская, 1991: рис. 43, 1).

У кафиров зачастую на деревянных фигурках умерший восседает на коне с двумя головами и туловищами и держит в левой руке маленькую человеческую фигурку (Йеттмар, 1986: 139). Интересно сопоставить соответствие этих деталей изображения с уникальной серией вотивных терракот из парфянского святилища II-I вв. до н.э. в Масджид-и Солейман - одного из крупнейших культовых центров древнего Ирана (Ghirshman, 1975: pl. CXI, 1-3; CXII, 1-3). Здесь также представлен всадник на двухголовом коне, держащий перед собой миниатюрную фигурку обнаженной богини с расставленными в стороны руками.

Почему конь умершего в этих случаях выглядит столь странно? У осетин сохранились представления о том, что попасть в мир мертвых на обычном коне нельзя. Покойнику предстояло поймать коня самому на волшебном лугу (см., например: Цховребов, 1987: 78 сл.). Вероятно, это конь из породы «авсург» из особого табуна «св. Георгия» - осетинского аналога Митры (в разных вариантах - с тремя ногами, одним глазом, с рыбьим хвостом и т.п.) (см., например: Пчелина, 1986: 45-47). По рассказам осетинских «колдунов», летая в иной мир, они видят души умерших, разъезжающих на козлах, собаках и др. (Осетины..., 1967: 162).

Верхом на копытном с двумя туловищами (баране) стоит обнаженная богиня с расставленными в стороны руками (подобно терракотам Масджид-и Солеймана) на знаменитой золотой чаше рубежа II-I тыс. до н.э. из североиранского Хасанлу (Курочкин, 1974: рис. 1, правый нижний угол), которую сегодня есть основания связывать не с хурритами, а с индоиранцами (Курочин, 1993: 72). Обломок фигурки двухголового барана (видимо – со всадником) найден на кушанском городище Зартепа (Пидаев, 1990: рис. 5).

Рассмотренные небольшие глиняные фигурки всадников без фантастических деталей, подчас примитивно сработанные в домашних условиях, были, вероятно, атрибутами домашнего поминального культа. Известно, например, что поминальные языческие обряды у такого иранского народа, как осетины, были сложными и дорогостоящими (речь идет о мужчинах). К умершему мужчине постоянно обращались за содействием в важных семейных делах. Интересно, что у осетин еще в XIX в. не угас полностью древний обычай приносить почитаемому персонажу глиняные фигурки с его изображением. (Речь идет, правда, лишь о домовом – Бинаты-хицау, который мыслился, среди прочего, в облике барана и которому жертвовались статуэтки баранов, чтобы в семье рождалось побольше мальчиков).

Сказанное ранее не означает, конечно, что все терракоты спокойно стоящего всадника автоматически должны рассматриваться как вотивы умершим. Повторю, речь идет лишь о простых лепных фигурках без атрибутов (у осетин душа покойного в момент путешествия в иной мир не имеет при себе ничего, кроме одежды). Так, иным, видимо, было осмысление фигурок мужчин-всадников, найденных в раннесредневековом Согде (Мешкерис, 1989: 212-218; рис. 111-114). У этих персонажей (подчас не на конях, а на каких-то иных животных) видим в руке особый скипетр, у них тщательно переданы золотая гривна на шее и серьги, богато украшенный головной убор, иногда - наборной пояс и орнаментированная одежда. Вполне возможно, что их можно, вслед за Х.Ю. Махутдиновым, считать изображением конного бога – местного варианта Митры.

Литература

- Беленицкий А.М., 1981. Хорезмийский всадник – царь или бог? // Культура и искусство древнего Хорезма. М.
- Дашевская О.Д., 1991. Поздние скифы в Крыму (САИ. Вып. Д1-7). М. Древности Таджикистана. Каталог выставки (Отв. ред. Е.В. Зеймаль). Душанбе.
- Дюмезиль Ж., 1976. Осетинский эпос и мифология. М.
- Ильинская В.А., 1982. Изображения скифов времени среднеазиатских походов // Древности степной Скифии. К.
- Йеттмар К., 1986. Религии Гиндукуша. М.
- Кобылина М.М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.
- Крыкин С.М., 1986. Культы всадников в античном Северном Причерноморье // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тез. докл. III конф. молодых ученых. М.
- Курочкин Г.Н., 1974. К интерпретации некоторых изображений раннего железного века с территории Северного Ирана // СА. № 2.
- Курочкин Г.Н., 1993. Богиня с зеркалом и герой с секирой (к проблеме антропоморфизации скифского искусства) // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
- Мешкерис В.А., 1989. Согдийская терракота. Душанбе.
- Миллер В.Ф., 1893. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Материалы по археологии Кавказа. Вып. 3. М.
- Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989.
- Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) (Сост. Б.А. Калоев). Орджоникидзе, 1967.
- Пидаев Ш.Р., 1990. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24. Ташкент.
- Пругло В.И., 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре // Искусство и археология античного мира. М.
- Пугаченкова Г.А., 1989. Бактрийско-юэчжийский и согдийско-кангюйский синтез в искусстве // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.
- Пчелина Е.Г., 1986. Ёртаъкъахыг – осетинский мифологический конь (бронзовые фигурки VI-VII вв. н.э.) // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа в древности и средневековье. Орджоникидзе.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Ростовцев М.И., 1913. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. Вып. 49. СПб.

- Ростовцев М.И., 1927. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае // *Seminarium Kondakovianum*. Вып. 1. Прага.
- Силантьева П.Ф., 1974. Терракоты Пантикапея // Терракотовые статуэтки. Ч. III. Пантикапей. (САИ. Вып. Г1-11). М.
- Ставиский Б.Я., 1975. О культурных связях древней Средней Азии с домусульманским Египтом // *Древний Восток*. Вып. 1. М.
- Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., 1992. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. Препринт. К.
- Уарзиати В.С., 1987. Народные игры и развлечения осетин. Орджоникидзе.
- Цховребов З.Л., 1987. К анализу надгробных памятников из Осетии // *Межд. ассоц. по изучению культур Центральной Азии*. Информ. бюллетень. Вып. 13. М.
- Шелов Д.Б., 1987. Терракоты и античная скульптура // *Тайны терракоты*. Античные терракотовые статуэтки из музеев Краснодарского края. Краснодар.
- Шургая И.Г., 1983. Изображения всадника и коня из Илурата // *КСИА*. Вып. 174.
- Яценко С.А., 1992. Антропоморфные изображения Сарматии // *Аланы и Кавказ (Alanica-II)*. Владикавказ, Цхинвал.
- Яценко С.А., 2002. Костюм ираноязычных народов древности и методы его историко-культурной реконструкции. Дисс...докт. ист. наук. М.: РГГУ.
- Ghirshman R., 1975. Terrasses sacres de Bard-é Nechandeh et Masjid-i Solaiman // *Memoirs de la Délégation archéologique en Iran*. T. XLV. Vol. II. Paris.
- Pugachenkova G.A., 1989. The Terra-Cotta Horses of Bactria-Tokharistan // *Bulletin of Asia Institute*. (New Series). Vol. 3. Bloomfield Hills.